

Новейшая история

Научная статья

УДК 94(470.62/.67)

DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-38-61

EDN: BJOXZP

«НАЦИИ И ОТЕЧЕСТВО»: КОЧЕВЫЕ НАРОДЫ В ЭПОХУ МНОВЛАСТИЯ И КОНКУРИРУЮЩИХ ЛЕГИТИМНОСТЕЙ (1917 – 1920-Е ГОДЫ)

Айгуль Темерхановна Джумагулова

Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия, aigulmen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4067-956X>

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформации стратегий политического поведения и управленческих механизмов взаимодействия кочевых и полукочевых народов, исторически проживавших на территории Ставропольской губернии и прослеживает их судьбу в годы Гражданской войны и последующих административно-территориальных преобразований. Исследование базируется на принципах историко-системного и институционального анализа. Основу источниковой базы составляют документы центральных (ГА РФ, РГАСПИ) и региональных (ГАСК) архивов, включая законодательные акты, делопроизводственные материалы, отчеты и переписку управленческих органов, а также материалы периодической печати (газета «Ставропольский инородец»). К 1917 г. имперская модель управления кочевниками, основанная на сочетании косвенного администрирования (приставства) с элементами традиционного самоуправления, исчерпала свой стабилизирующий потенциал. Её крах после Февральской революции не принес демократизации, а обострил ключевой аграрный конфликт с русским крестьянством и обнажил слабость новой власти, неспособной предложить легитимный механизм его разрешения. В условиях многовластия (администрации Временного правительства, структуры Союза объединённых горцев Северного Кавказа и Дагестана, Белого движения) кочевые общества демонстрировали прагматичный поиск союзников для защиты земельных прав и ресурсов, руководствуясь логикой выживания, а не идеологической приверженностью. Гражданская война привела к тотальному хозяйственному разорению кочевников: катастрофическому сокращению поголовья скота, массовому голоду и демографическому кризису. Эта социально-экономическая катастрофа стала решающим фактором, вынудившим кочевников искать спасения в рамках советского проекта. Установление советской власти открыло этап административного самоопределения, выраженный в создании национальных районов и автономий. В их рамках началась реализация политики коренизации и программ этнокультурного развития, параллельно решалась задача восстановления народного хозяйства. Этот процесс, формально соответствовавший принципу самоопределения, на практике стал вынужденным компромиссом, сопряженным с переходом к оседлости и трансформацией традиционного хозяйственно-культурного типа.

Ключевые слова: кочевые народы; Ставропольская губерния; ногайцы; туркмены; калмыки; революция 1917 года; Гражданская война; управление инородцами; приставства; земельный вопрос; национальная автономия; советская власть.

Для цитирования: Джумагулова А.Т. «Нации и Отечество»: кочевые народы в эпоху многовластия и конкурирующих легитимностей (1917–1920-е годы) // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 2. – С. 38-61. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-38-61. EDN: BJOXZP.

© Джумагулова А.Т., 2026

© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

"NATIONS AND FATHERLAND": NOMADIC PEOPLES IN THE ERA OF MULTI-POWER AND COMPETING LEGITIMACIES (1917–1920S)

Aigul T. Dzhumagulova

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia, aigul-men@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4067-956X>

Abstract. The article analyzes the transformation of political behavior strategies and managerial mechanisms of interaction of nomadic and semi-nomadic peoples historically residing in Stavropol Province, and traces their fate during the Civil War and subsequent administrative-territorial transformations. The research is based on the principles of historical-systemic and institutional analysis. The source base consists of documents from central (the State Archive of the Russian Federation, the Russian State Archive of Socio-Political History) and regional (the State Archive of the Stavropol Krai) archives, including legislative acts, administrative records, reports and correspondence of governing bodies, as well as periodical press materials (the newspaper "Stavropolsky Inorodets" – The Stavropol Native). By 1917, the imperial model of governing nomads, based on a combination of indirect administration (the prikaznichestvo system) and elements of traditional self-government, had exhausted its stabilizing potential. Its collapse after the February Revolution did not bring democratization but instead exacerbated the key agrarian conflict with the Russian peasantry and exposed the weakness of the new authorities, who were unable to propose a legitimate mechanism for its resolution. Under conditions of multi-power (the Provisional Government administration, structures of the Union of United Mountaineers of the North Caucasus and Dagestan, and the White Movement), nomadic societies demonstrated a pragmatic search for allies to protect their land rights and resources, guided by a logic of survival rather than ideological allegiance. The Civil War led to the total economic ruin of the nomads: a catastrophic loss of livestock, mass famine, and a demographic crisis. This socio-economic catastrophe became the decisive factor that forced nomadic societies to seek salvation within the framework of the Soviet project. The establishment of Soviet power opened a stage of administrative self-determination, manifested in the creation of national districts and autonomies. Within their framework, the implementation of the korenizatsiia (indigenization) policy and programs of ethnocultural development began, while the task of restoring the national economy was addressed in parallel. This process, formally corresponding to the principle of self-determination, in practice became a forced compromise, associated with the transition to a settled way of life and the transformation of the traditional economic-cultural type.

Keywords: nomadic peoples; Stavropol Province; Nogais; Turkmens; Kalmyks; 1917 Revolution; Civil War; administration of non-Russian peoples; prikaznichestvo (stewardship system); land issue; national autonomy; Soviet power

For citation: Dzhumagulova A.T. "Nations and fatherland": nomadic peoples in the era of multi-power and competing legitimacies (1917–1920s). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 2. – P. 38-61. – DOI: 10.31143/2542 212X-2026-2-38-61. EDN: BJOXZP.

© Dzhumagulova A.T., 2026

© Caucasology, 2026

Введение

Период 1917–1920 гг. в российской истории представляет собой фазу глубокого системного кризиса государственности, сопровождавшегося не только сменой политического режима, но и фундаментальным распадом прежних механизмов управления. Этот кризис с особой остротой проявился на полиэтничных окраинах бывшей империи, где крушение имперских институтов совпало с подъёмом национальных движений, социально-экономическими противоречиями и гражданским противостоянием. Глубина трансформации довольно драматично отразилась на положении кочевых и полукочевых народов Юга России – ногайцев, калмыков и туркмен. Для этих обществ, веками существовавших в рамках скотоводческой модели, крах имперского управления и череда сменяющихся друг друга властей поставили под вопрос само их физическое и социокультурное выживание. Ключевым фактором адаптации стало взаимодействие традиционных общинных институтов с новыми, зачастую нестабильными, управленческими структурами. Особенно слабо исследован институциональный аспект этой эпохи – процесс последовательной замены органов управления, а именно переход от приставской имперской модели к комитетам общественной безопасности (КОБ) Временного правительства, затем к структурам Союза объединённых горцев и администрации Белого движения (ВСЮР) и, наконец, к советским институтам власти.

Цель статьи – проследить, как кочевые народы Ставропольской губернии (ногайцы, туркмены и калмыки) взаимодействовали со сменяющимися моделями власти в 1917–1920 гг., как трансформировались стратегии их политического поведения в условиях перманентного политического кризиса.

Источниковая база исследования включает документы центральных (Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный архив социально-политической истории) и региональных архивов (Государственный архив Ставропольского края), отражающие эти управленческие процессы. Анализ этих материалов позволяет рассмотреть «перелом эпох» не только как смену идеологий, но и как сложный и болезненный процесс отстаивания кочевниками своих земельных и правовых интересов перед лицом сменяющихся друг друга властей.

Кочевые общества в имперской модели управления

К началу XX в. управление кочевыми народами Ставропольской губернии (ногайцами, туркменами, калмыками) было организовано через систему приставств во главе с Главным приставом кочующих народов (Ачикулакское приставство ведало делами ногайцев, Туркменское приставство – туркмен (трухмен) и Большедербетовский улус, осуществлявший административный контроль над калмыками) [Лиджиева 2024: 49–52]¹. Эта модель сочетала косвенное имперское

¹ В Терской области кочевые ногайцы находились в ведении Караногайского приставства (Караногайское приставство – образовано в 1793 г. в составе Кавказской области (с 1847 г. – Ставропольской губернии). В 1860 г., с учреждением Терской области и ввиду административной удалённости кочевых территорий от Ставрополя, передано в ведение Терской области.), параллельно в Астраханской губернии функционировало Управление калмыцкого народа, отвечавшее за регулирование жизнедеятельности калмыцкого населения в общегосударственные системы (в 1786 г. учреждена Калмыцкая войсковая канцелярия; в 1797 г. вместо неё образовано Калмыцкое правление. 6 октября 1801 г. введена должность Главного пристава, подчинённого Коллегии иностранных дел. В 1834

администрирование с сохранением элементов традиционного самоуправления. Её правовой основой выступали «Устав об управлении инородцев» (1822 г.) [ПСЗРИ-I. Т. XXXVIII. 1830: 394-417], «Устав для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области» (1827 г.) [ПСЗРИ-II. Т. II. 1830: 107-155], «Положение об управлении калмыцким народом» (1847 г.) [Положение об управлении 1835: 1-95] и «Правила об управлении кочевых инородцев Ставропольской губернии» (введённых в рамках «Учреждения управления Кавказского и Закавказского края» 1869 г.) [Учреждения управления 1869: 1-60], закреплявшие фиксацию границ кочевий и институты внутреннего самоуправления инородцев на основе их обычаев и выборных органов с общегосударственными имперскими институтами, состоявших из Главного пристава кочующих народов, частных приставов (попечителей), подчинявшимся губернатору и центральным ведомствам (Министерству внутренних дел). Эта модель, с одной стороны, позволяла империи экономить административные ресурсы и минимизировать культурное сопротивление, а с другой – возлагала на сами кочевые общества значительную долю ответственности за интеграцию в общеимперское правовое и социально-экономическое пространство. Ключевыми элементами являлись двойная юрисдикция (применение обычного права для малозначительных дел и общих законов для серьёзных преступлений) и надзор попечителей, что обеспечивало интеграцию номадов в общегубернские структуры без создания особой военно-народной системы, характерной для других регионов Кавказа [Учреждения управления 1869: 1-60].

Органы самоуправления активно участвовали в правоприменительной практике, обеспечивая явку свидетелей, осуществляя розыск и даже самостоятельно применяя санкции (например, телесные наказания) за мелкие правонарушения. Широко использовался институт поручительства (круговой поруки) общины за своих членов, что позволяло избегать передачи дел государственным судам и способствовало внутренней социальной регуляции. Низовой единицей административно-территориального деления у кочевников оставался аул (у калмыков – хотон), управляемый выборными старшинами. Высшим органом местного самоуправления у кочевых обществ выступали улусные, аймачные или аульные сходы, обладавшие широкой компетенцией: от избрания должностных лиц и раскладки повинностей до судебных функций [Лиджиева 2019: 840-847]. Их решения, оформляемые в виде приговоров, имели обязательную силу и могли предусматривать меры воздействия вплоть до передачи лиц «в распоряжение правительства» [ПСЗРИ-II. Т. XLIII. 1873: 316].

Финансирование правоохранительной системы номадов осуществлялось на комбинированной основе. Содержание имперских чиновников (приставов) обеспечивалось из средств государственной казны. В то же время расходы на функционирование местных структур, таких как пунктовые стражники, а также на этапирование осуждённых, как правило, возлагались на кочевые общества и по-

г. калмыки Астраханской губернии были переданы в ведение Министерства государственных имуществ, а с 1836 г. – в подчинение военного губернатора Астраханской губернии и Астраханского казачьего войска. Система приставства над калмыками сохранялась до 1917 г.)

крывались из их общественных капиталов или за счёт добровольных сборов. Указанные капиталы находились в ведении Министерства государственных имуществ. Операции по их расходованию были регламентированы: суммы до 300 руб. утверждались Главным приставом, а превышающие этот лимит требовали санкции губернатора и министра [Лиджиева 2019: 840-847].

К 1917 г. система, позволявшая империи экономить ресурсы и минимизировать культурное сопротивление, одновременно выявила свои противоречия. Территория приставства, на которой проживали кочевые народы, формально принадлежала всему народу и находилась в общем пользовании по родовому принципу, однако реальное управление земельными и пастбищными ресурсами контролировалось родовой знатью, углублявшего социальное расслоение и разрешение спорных земельных конфликтов с соседними народами [Джумагулова, Кидирниязов 2024: 45-49]. Постепенное вовлечение номадов в общероссийский рынок и их участие в мобилизационных проектах Русско-японской и Первой мировой войн (посредством поставок, пожертвований, формировании санитарных отрядов и лазаретов (таких, как Ставропольский санитарный отряд имени императрицы Марии Фёдоровны) и финансирование строительства военных кораблей (миноносец «Туркменец Ставропольский»)) ускорили трансформацию традиционного уклада [Васькина 2020: 16-20; Брусина 2023: 65-70]. Имперская модель управления представляла собой устойчивый компромисс между унификаторской логикой государства и локальной спецификой кочевых сообществ.

Кочевые общества Ставропольской губернии в политике Временного правительства (1917 г.)

Февральская революция 1917 г. не привела к кардинальным изменениям в положении народов Юга России, тем не менее произошла быстрая ликвидация монархических административных структур: должность губернатора была упразднена, а её функции перешли к комиссару Временного правительства. Параллельно создавались новые органы – комитеты общественной безопасности (КОБы) на уровне губернии, уездов и волостей, формировавшиеся преимущественно из представителей служащих, чиновников и предпринимателей; введена должность губернского комиссара, назначенного Временным правительством (первым стал А.И. Кухтин, затем Д.Д. Старлычанов). Сохраняла свои позиции и земская управа, как орган местного самоуправления, в которой исполнительные, общественно-политические и местные функции были рассредоточены.

Крах монархии дестабилизировал и ключевой институт управления степными народами – приставскую администрацию. Как отмечали современники, пристав, следуя веяниям времени, инициировал создание Комитета общественной безопасности, однако этот шаг не консолидировал местные общества, а стал катализатором внутренних противоречий. Например, в Туркменском приставстве контроль над новыми структурами стал предметом борьбы между местной знатью, с одной стороны, и коалицией татар, русских и молукан-арендаторов – с другой. Изначально избранный из числа последних «комиссар Туркмении» был быстро смещён, и власть перешла к представителям туркменской элиты [Невская 2016: 37]. Эта борьба на местах продемонстрировала, что распад имперской

управленческой вертикали привёл не к демократизации, а к обострению межгрупповой конкуренции и стремлению региональных элит монополизировать новые институты власти.

В марте 1917 г. последовало распоряжение губернского комиссара об изъятии у кочевых народов земельных участков, сведя их права до временного пользования пастбищами, и о конфискации магометанского общественного капитала. Политика новой региональной власти была ориентирована на интересы крестьян-переселенцев, требовавших увеличения пахотных земель за счёт «неиспользуемых» кочевых угодий. Уже в марте 1917 г. было принято решение об изъятии земель у ногайцев и туркмен, оставив им право лишь на временное пользование пастбищами [Лямин 2004: 63-64]. Понимая угрозу экспроприации земель со стороны новой власти, представители ногайской и туркменской знати отправились в Петроград, чтобы «отстоять свои интересы и права» [ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 143. Л. 28].

Угроза потери земель вынуждала кочевников объединить усилия. В поисках союзников они направили своих делегатов на I съезд горских народов Северного Кавказа, проходившего в г. Владикавказ в мае 1917 г. На съезде представители ногайского и туркменского народов заявили о нарушении их прав и собственности на землю. Отдельно делегаты сообщили о хищении комиссаром Д.Д. Старлычановым их общественного капитала в размере 1,5 миллиона руб. серебром, который ранее был передан на хранение министру сельского хозяйства. Выступавшие подчеркнули, что подобные меры были бы хоть как-то оправданы, если бы применялись ко всем народам одинаково [Материалы съездов 2014: 70-71]. Первый съезд горских народов выступил в защиту прав кочевых обществ, постановив, что все земли, занимаемые ногайцами и туркменами, должны быть признаны их неотъемлемой собственностью [ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 143. Л. 28]. Представители кочевников-магометан были включены в состав всех формируемых органов. Их делегаты участвовали в разработке и принятии первой Конституции Союза объединенных горцев, в которой в качестве объединяющих органов были закреплены съезд делегатов и Центральный комитет. Союз провозгласил целью реформу местного самоуправления и будущее установление федеративного устройства, при котором национальные органы получили бы широкие полномочия для реализации социально-культурных интересов меньшинств [Материалы съездов 2014: 13]. В избранный Центральный комитет от ногайцев и туркмен вошёл Менги-Булат Муслимов, кандидатами стали Эреджеб-Али Низаркиев и Омар-Эфенди Кенжемуратов; Духовный совет инородцев Ставрополя возглавил Абдузалик Тангатаров. Тем не менее практические механизмы реализации этих решений съездом прописаны не были, что ограничивало эффективность созданных институтов [Союз объединенных 1994: 24-30].

Несмотря на то, что Временное правительство заявило о поддержке позиций ногайцев и туркмен по земельному вопросу, противоречия между губернской администрацией и кочевыми обществами продолжали стремительно обостряться. К конфликту присоединились и калмыки Большедербетовского улуса, направившие жалобы на деятельность губернского комиссара. В подобных условиях из Петрограда поступили следующие разъяснения:

1) Министерству внутренних дел предписывалось передать функции управления инородцами от чиновников губернской администрации органам земского самоуправления;

2) Фонд кочевых земель Главного пристава кочующих народов, ранее переданный в резерв государственных земель, до разрешения вопроса Учредительным собранием передать в ведение Ставропольского губернского земельного комитета и управляться на общих основаниях, регулирующих использование казённых земель, «сообразуясь по указаниям местных земельных комитетов» [ГАСК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 19. Л. 5-5 об.].

С целью нормализации земельных отношений Министерство земледелия выступило с инициативой создания коллегиального органа. 13 июня 1917 г., на основании решения чрезвычайного съезда, был образован особый коллегиальный орган по управлению делами инородцев, в состав которого вошли представители туркменского, ногайского и калмыцкого народов. Получив таким образом легитимный мандат, совет потребовал от губернского комиссара передачи всех дел Главного пристава кочующих народов. Однако комиссар Д.Д. Старлычанов отказался признать легитимность Нового представительного органа и выполнить его требования. В ответ 29 июня товарищ министра внутренних дел С.Д. Урусов направил губернскому комиссару телеграмму, требуя объяснений причин неисполнения распоряжений центральной власти. Этим действием комиссар нарушил прямое предписание МВД от 25 мая за № 3358 и распоряжение Министерства земледелия от 18 мая за № 1682 [ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 143. Л. 40-44].

Не находя поддержки своих интересов у губернского комиссара, представители кочевых народов активизировали обращение к центральным органам Временного правительства с жалобами и ходатайствами. Однако попытка урегулировать земельные отношения путём создания совместного с инородцами представительного органа наталкивалась на сопротивление местных властей и фактически была сорвана [ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 143. Л. 41-42].

В среде региональных властей и русского поселенческого населения постепенно формировалось устойчивое предвзятое отношение к кочевым инородцам. Оно основывалось на убеждении, что последние обладают необоснованными привилегиями: владеют обширными земельными фондами, не несут равных с русским населением тягот воинской повинности и при этом эксплуатируют труд малоземельных крестьян. Этот конфликт наглядно проявился в ходатайстве, поступившем 4 июня 1917 г. на имя министра земледелия от граждан и гражданок-солдаток села Краснополянского Медвеженского уезда Ставропольской губернии. В документе подробно описывались непростые отношения с соседями-калмыками Большедербетовского улуса. Авторы ходатайства подчёркивали, что калмыки, «имея на каждую мужскую душу до 70 десятин земли», не обрабатывают её сами, а сдают в аренду русским крестьянам, живя на полученный доход «по-дворянски, ничего не делая» [ГАСК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 19. Л. 1]. Особое возмущение вызывал вопрос воинской повинности: «С наступлением войны упорно ходили слухи о том, что их будут брать на службу, но вот прошло около 3-х лет и их ни одного не взяли» [ГАСК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 19. Л. 1 об.]. Русских крестьян задевало и поведение кочевников, которые, по их словам, не стеснялись заявлять

о своей близости к высшим органам власти, что позволяло им «всякий раз нырять к министрам» и ограждать себя от любых изменений [ГАСК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 19. Л. 2-2 об.]. Однако данные противоречия носили не только экономический, но и глубокий мировоззренческий характер, коренясь в различии укладов жизни, культурных представлениях о справедливости и исторически сложившемся взаимном недоверии.

Новый этап противостояния был связан с вопросом создания земельных комитетов на территориях ногайцев, туркмен и калмыков. Закон от 21 апреля «Об учреждении земельных комитетов» не предусматривал специальных норм для инородческих территорий. Лишь на первой сессии Главного земельного комитета была признана необходимость разработки отдельного положения для окраинных регионов. Между тем, потребность в создании таких комитетов на местах постоянно возрастала. Губернская земельная управа, Министерство земледелия и Главный земельный комитет были переполнены прошениями о наделении землёй и жалобами на конфликты, возникавшие из-за аренды кочевых угодий.

11 июля председатель губернской земельной управы А.А. Ивенчин-Писарев выступил с докладом «Об образовании и организации земельных комитетов на инородческой территории». По итогам обсуждения управа постановила в кратчайшие сроки созвать совещание с представителями кочевых народов и должностными лицами, ведавшими этими землями [ГАСК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 11. Л. 8-10]. Общий характер правительственного постановления и отсутствие конкретных инструкций для специфических окраинных территорий не позволяли местным властям действовать эффективно. Губернский комитет ожидал разъяснений из центра, но, не получив их, вынужден был самостоятельно искать пути решения. 18 августа члену управы Б.С. Эмануэлю было поручено выяснить в Петрограде вопрос о включении всех казённых и инородческих земель в ведение губернского комитета. Между тем, местное население не стало дожидаться инициативы сверху. На ногайских, туркменских и калмыцких территориях стихийно продолжали возникать земельные комитеты, к примеру 25 августа без согласования с губернским комитетом был образован Туркменский районный земельный комитет, который, руководствуясь острой необходимостью разрешить переплетение земельных и национальных проблем, немедленно приступил к учёту и распределению земель. Комитет установил регулируемые цены на свободные земли, разделив их на три категории: от 10 до 6 руб. за первую категорию, от 8 до 4 руб. за вторую и от 5 до 3 руб. за третью. Ставропольский губернский земельный комитет отказывался признавать законность волостных и улусных комитетов, созданных на инородческих территориях на основании закона от 21 апреля. Он считал эти органы, сформированные без его санкции, незаконными, а их постановления – недействительными, и отказывал им в финансировании [ГАСК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 10. Л. 20-100].

Только 8 сентября 1917 г. Ставропольский губернский земельный комитет, рассмотрев вопрос о создании земельных структур в степных районах, утвердил «Временную инструкцию для земельных комитетов на территории инородческих земель». Согласно документу, учреждались три комитета, приравненные по статусу к уездным: Большедербетовский (для калмыков), Летнеставочный (для

туркмен) и Ачикулакский (для ногайцев). Однако данная мера не достигла своих целей, встретив сопротивление как со стороны кочевых обществ, так и оседлого населения, и вскоре утратила свою актуальность [Лямин 2004: 69].

Немаловажно отметить, что весной и летом 1917 г. политическое пространство Ставропольской губернии усложнилось на фоне возникавших Советов рабочих и солдатских депутатов, где доминировали умеренные социалистические партии (эсеры и меньшевики). Большевистские организации оставались малочисленными и не оказывали решающего влияния [Зверева 2018: 90-93]. Однако нарастание социально-экономического кризиса, включая волнения на фоне невозможности решения земельного вопроса на инородческих территориях, подрывало авторитет Временного правительства и его местных органов. Поведение самих инородцев в этой сложной обстановке зачастую было непоследовательным и противоречивым. Если в мае их представители могли выступать за сохранение существовавшего порядка, то в условиях нарастающего давления и революционной нестабильности их позиции могли меняться, отражая внутреннюю борьбу между стремлением защитить традиционный уклад и необходимостью адаптироваться к новым политическим реалиям.

На II Съезде горских народов (23 сентября 1917 г.) важной темой вновь стала защита прав кочевых народов, заявивших через своих делегатов о проблемах в работе губернских властей: о систематических безвозмездных реквизициях скота, проводимых продовольственными органами, о самовольных захватах их земельных угодий поселенцами, в том числе и изъятом магометанском капитале в размере 1,5 миллиона серебром [Материалы съездов 2014: 70-71]. В качестве защиты интересов номадов и их прав на землю предлагалось объединить в одну административную единицу ачикулакских ногайцев и туркмен Ставропольской губернии с караногайцами Терской области в отдельный округ в составе проектируемой Горской республики [Союз объединенных 1994: 140-141].

После Октябрьской революции в Петрограде ситуация на Ставрополье характеризовалась отсутствием единого сценария перехода власти. Однако отсутствие чётких директив из центра приводило к тому, что Советы в уездах создавались в значительной степени стихийно. Показательно, что на выборах в Учредительное собрание в ноябре 1917 г. эсеры получили абсолютное большинство голосов (88,8 %), что отражало преобладание крестьянского населения и его традиционные политические предпочтения [Зверева 2018: 89-90]. Формальная власть оставалась у Временного правительства и земств, но влияние большевиков начало расти.

К концу 1917 г. социально-экономический и политический кризис в Ставропольской губернии обострил нетерпение малоземельного и безземельного крестьянства. 26 декабря крестьянский съезд в селе Ивановском Медвеженского уезда, собравший 42 делегата от 10 сёл, принял резолюцию о немедленном распределении калмыцких земель Большедербетовского улуса между крестьянами соседних сел на равных основаниях «согласно Декрета от 26 октября» [ГАСК. Ф. 2567. Оп. 1 Д. 3 Л. 5]. Съезд также постановил конфисковать все помещичьи

земли в уезде, назначив на 10 января 1918 г. следующий съезд для пропорционального раздела калмыцких земель, несмотря на непризнание Декрета о земле губернскими властями.

Особое значение для Северного Кавказа имела принятая Советским правительством «Декларация прав народов России» (2 ноября 1917 г.), провозгласившая равенство, суверенность народов и свободное развитие национальных меньшинств [Невская 2016: 43-44]. В декабре большевики активизировали агитацию за установление советской власти. Критическим этапом стало проведение Общегубернского Народного собрания 31 декабря 1917 г. Несмотря на первоначальное преобладание эсеровской и меньшевистской делегации, активная агитационная работа большевиков, поддержка прибывших с фронта солдат и давление из центра обеспечили перелом в настроениях участников. В результате 1 января 1918 г. было принято решение о переходе всей власти в губернии к Советам крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, что юридически оформило установление советской власти. Губерния получила наименование Ставропольской советской республики [Зверева 2018: 91].

Февральская революция 1917 г. обострила на Ставрополье земельный конфликт между кочевыми обществами и крестьянами соседних уездов. Противоречие заключалось в столкновении принципа «крестьянской справедливости», требовавшего передела земли, и правовых норм, защищавших сложившееся землепользование кочевников. Это привело к расколу и по национальному признаку. Попытки создать легитимные земельные комитеты для подготовки реформы на инородческих территориях провалились. Вместо них стихийно возникали комитеты как от кочевников, так и от крестьян, чью деятельность власти считали незаконной. Прилегающие уездные и волостные комитеты часто потворствовали самочинным действиям крестьян. К концу 1917 г. аграрный вопрос оставался нерешённым, а власть утратила контроль. Аграрная политика Временного правительства, основанная на легитимности, включала подготовку всеобщей реформы и переходные меры. Однако подготовка велась медленно; правительство игнорировало насущные нужды кочевников, рассчитывая в условиях кризиса провести сложную реформу. Комитеты были ориентированы на сохранение статус-кво до Учредительного собрания. Переходные меры не были детально проработаны, постановления запаздывали и не устанавливали чёткого разграничения полномочий, а государственный надзор отсутствовал.

В Ставропольской губернии аграрное движение в 1917 г. было слабее, чем в центре России, из-за относительного многоземелья и развитых капиталистических отношений. Нарушения часто инициировались волостными и уездными комитетами и проявлялись в косвенных действиях: регулировании аренды и ценовых санкциях. Массовые захваты земель начались в конце 1917 – начале 1918 гг., часто под влиянием большевистски настроенных солдат, и были сосредоточены на землях кочевников. Сдерживали радикализацию сила местных эсеров, слабость большевиков и частичное удовлетворение нужд крестьян решениями волостных комитетов.

Ставропольские кочевые инородцы в проекте Союза объединённых горцев Северного Кавказа и Дагестана и под властью ВСЮР (1918–1919 гг.)

Социально-экономическая и политическая ситуация на Северном Кавказе в конце 1917 г. достигла состояния острого кризиса и вышла из-под контроля как центральных, так и региональных властей. В поисках выхода из создавшегося положения горская интеллигенция на II съезде Союза горцев Северного Кавказа инициировала процесс консолидации с другими региональными силами. 20 октября был учреждён Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей, позиционировавший себя как альтернативу советской власти и отказавшийся признавать итоги Октябрьской революции в Петрограде. Эта позиция была подтверждена 29 октября на объединённом заседании «Войскового правительства Терского казачьего войска» и Центрального комитета (далее ЦК) Союза объединённых горцев [Кажаров 2018: 28-29].

На казачье-горской конференции, проходившей с сентября по октябрь 1917 г., родовая элита ногайцев, туркмен и калмыков и выразила намерение войти в состав Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей. Программной целью Союза являлось создание федеративной демократической республики после Учредительного собрания, где его участники получили бы статус автономных штатов с гарантией внутреннего самоуправления. 6 ноября 1917 г. объединённое правительство Юго-Восточного Союза приняло постановление, согласно которому верховная власть на территории Союза горцев признавалась за съездом делегатов его ЦК, а в пределах Терского казачьего войска – за Войсковым кругом и его правительством [Невская 2016: 43-44]. Попыткой найти общую платформу в условиях нарастающего хаоса стало чрезвычайное совещание во Владикавказе 8-9 ноября с участием представителей всех основных политических сил региона. Углубление революционного кризиса ускорило процесс государственного обособления. 15 ноября атаман М.А. Караулов официально вступил в управление казачьими отделами Терской области, а ЦК Союза объединённых горцев провозгласил себя правительством горских народов. Апогеем этой тенденции стало образование 1 декабря 1917 г. объединённого Временного Терско-Дагестанского правительства. Горская элита воспринимала эти шаги как провозглашение автономии. Юридическим закреплением этого статуса стал «Декрет № 1», принятый ЦК Союза объединённых горцев 3 декабря 1917 г. Декрет определял территорию юрисдикции Горского правительства, которая включала Дагестанскую область, шесть горских округов и Караногайский участок Терской области, а также земли ногайцев и туркмен Ставропольской губернии [Кажаров 2018: 30]. В постановлении о создании Временного союзного совета Горской республики (11 декабря 1917 г.) ставропольские ногайцы и туркмены получили гарантированное представительство – по два мандата [Джумагулова 2024:31].

11 мая 1918 г., стремясь заручиться поддержкой Турции и Германии на международной арене, Союз объединённых горцев объявил о создании независимой Горской республики (Республики Союза народов Северного Кавказа и Дагестана). Декларация о независимости объявляла о выходе из состава России в мае

1918 г. в ранее названных границах, включавших и степи кочевников Ставропольской губернии. Проблема территориального статуса этих кочевых народов была окончательно разрешена в 1919 г. в результате соглашения между представителями северокавказского движения и командованием Белой армии под руководством генерала А.И. Деникина в период контроля над территорией последней. Суть данного решения заключалась в интеграции спорных земель в общевойсковой земельный фонд казачества [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 989. Л. 11].

С началом Гражданской войны командование Белого движения на Юге России, стремясь расширить социальную базу, стало привлекать на свою сторону национальные меньшинства, санкционируя формирование этнических воинских частей. В рамках этой политики из ставропольских ногайцев, туркмен и калмыков Большедербетовского улуса был сформирован Иногородческий конный полк. Несмотря на малочисленность, подразделение принимало участие в боях на ставропольском направлении в составе 4-й дивизии. Однако боеспособность полка была низкой: к декабрю 1918 г. его численность сократилась до 41 сабли, после чего он был передан для охранной службы. Данные У.Б. Очирова указывают на нестабильную численность части: к началу 1919 г. в ней значилось около 420 человек, но к весне в строю оставалось лишь 70 конников [Очиров 2009: 39].

Как отмечают исследователи, переход представителей местных народов на сторону белых в основном происходил в начальный период войны и часто был спровоцирован репрессиями и чрезмерными мерами со стороны советской власти. Однако собственные репрессии белых и их непоследовательная национальная политика не способствовали закреплению этой поддержки. Уже в 1919 г. большинство национальных меньшинств отказалось от сотрудничества с белогвардейцами, что, наряду с проблемами комплектования, привело к быстрому распаду созданных национальных частей [Очиров 2017: 33-39].

Для ставропольских кочевников участие в проекте Горской республики не принесло реальных гарантий защиты их интересов. Хотя ногайцы и туркмены получили формальное представительство в структурах Горского правительства, ключевой для них земельный вопрос так и не был решён. Более того, в 1919 г. командование Белой армии, под контроль которой перешли спорные территории, интегрировало земли кочевников в общевойсковой земельный фонд казачества, что свело на нет прежние обещания горских лидеров. К ноябрю 1918 г. общегорский съезд признал неосуществимость создания независимой республики, а большинство народов региона, включая кочевников, всё более склонялось к поиску иных путей выживания в условиях гражданского противостояния [Кажаров 2018: 32-33; Линец 2017: 257-272].

Кочевые общества в «советском проекте» административных реформ (1920-е гг.)

На протяжении Гражданской войны ногайцы, туркмены и калмыки демонстрировали политическую активность, участвуя в формирующихся административных и представительных структурах с целью защиты своих интересов в условиях системного кризиса и распада российской государственности. Если в 1917 г. победа большевиков на Юге России казалась гипотетической, а в 1918-м – маловероятной,

то к 1919 г. они превратились в реальную политическую силу, одержавшую победу в 1920-м. Сложность выбора, стоявшего перед кочевыми народами в этот сложный период, отражена в заголовке газеты «Ставропольский инородец» от 1 мая 1918 г. – «С кем нам по пути?», – где центральной темой была обозначена «угроза бытию инородцев» [Ставропольский инородец. №9. 1918: 1-2].

Борьба за установление советской власти на Северном Кавказе протекала в условиях исключительной сложности. Регион, представлявший собой юго-восточную окраину распавшейся империи, превратился в арену ожесточенного и многоконфликтного противостояния. Формальное провозглашение власти Советов происходило неравномерно: на Ставрополье – 1 января 1918 г., в Кубанской области – в январе того же года, а в Терской области решение о признании Совнаркома было утверждено Терским народным съездом лишь 4 марта 1918 г. Новые органы власти сразу же столкнулись с необходимостью решения наиболее острых вопросов, среди которых особую значимость в условиях полиэтничного состава населения имела земельно-национальная проблема.

Для установления управленческого контроля над кочевым населением 3 января 1918 г. губернские власти учредили Инородческий Совет, сформированный на принципах паритетного представительства: по два делегата от ногайцев, туркмен и калмыков. Инородческий Совет был создан по итогам Общегубернского национального собрания, призванного защищать национально-культурные, религиозные и социально-экономические интересы данных этносов в составе Ставропольской губернии. В качестве официальной информационной площадки Совета стала выступать газета «Ставропольский инородец». «Нации и Отечество» – под таким заголовком в феврале 1918 г. вышла газета, обратившись кномадам с размышлением о судьбе народов бывшей Российской империи. Автор заметки отмечал, что в состав «России-Великана, России-Колосса» входило более ста национальностей, но проблема развития их культур оставался нерешенным. Однако после революции, по мнению автора, настал момент, когда народы должны «немедленно перейти на путь взаимной поддержки, на путь воспитания и любви» [Ставропольский инородец 1918: № 2. 1]. Заметка завершалась поэтичным призывом к единству и созиданию: «Друг мой, брат мой, страдающий брат, Кто бы ты ни был – не падай душой!» [Ставропольский инородец 1918: № 2. 2]. Текст публикации отражал как критику имперской политики, так и надежду на новую эпоху, когда кочевые народы смогут развивать свою культуру и строить общее будущее на началах равенства и самоопределения.

Учредительные документы Инородческого совета подчёркивали необходимость сохранения единства и независимости кочевых обществ в новых условиях, выступая против его возможного дробления по этническому или иному признаку. Организационный этап, включавший работу специальной комиссии из 25 человек, завершился к декабрю 1918 г., когда 10 декабря были утверждены итоговые положения о его деятельности. Председателем Инородческого совета стал Е.Ч. Чонов, который на основании национального самоопределения по постановлению улусного схода организовал Улусное управление на этих территориях. Председателем Улусного управления был избран Л.К. Карвенов, членами управления И.О. Отхунов и М.Х. Хаглышев и секретарем Б.А. Анканов. 15 февраля улусный

сход утвердил и «Положение об инородческих учреждениях» [Ставропольский инородец 1918: № 2. 2].

Несмотря на преобладающую поддержку монархического (белого) движения со стороны кочевых народов Юга России в 1918 г., в их среде всё же существовали немногочисленные группы, ориентированные на большевиков. Однако их реальный потенциал как социальной опоры советской власти в регионе был крайне ограничен. Тем не менее, факт взаимодействия отдельных представителей, к примеру, ногайского населения с красными частями был зафиксирован. В ноябре 1918 г., в ходе продвижения Ленинского полка из-под Астрахани к Кизляру, его командование приняло делегацию ногайцев во главе с Маметом Эскандриовым. Делегаты сообщили о репрессиях белогвардейцев в ногайских аулах и выразили поддержку советской власти от имени беднейших слоёв и просили зачислить в полк добровольцев-ногайцев. Ряд из них, включая Эскандриова (погибшего в бою у ст. Каргинской), К. Муллаева, И. Адиева, Э. Оразгулова и Ю. Курганова, приняли участие в боевых действиях на стороне красных в ходе последующего освобождения Ставрополя и Кубани в 1919–1920 гг. [Кужелева 1964: 72-80]

К весне 1920 г. основные силы белой армии в регионе были разгромлены. Начался период создания/восстановления органов власти, местной экономики, а также реализации права народов на национальное самоопределение. Отношение кочевых народов к советской власти, изначально нейтральное, постепенно ухудшалось. В докладных записках начала 1920-х гг. отмечалось, что из-за слабости местных советских органов номады относились к большевикам с растущим недоверием. Переход к продналогу не улучшил ситуацию, поскольку его взимание зачастую носило принудительный характер, усиливая враждебность. Основу продовольственной кампании составлял сбор шерсти, яиц и масла, однако, по признанию самих партийных отчетов, выполнить эти задания было невозможно из-за катастрофического положения и массового голода среди населения [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 989. Л. 12-18]. По данным переписи 1920 г., из 11 647 человек туркменского населения голодали практически все. Голод привел к гибели около 3 000 человек, полному разрушению нескольких аулов и массовому исходу населения, на место которого приходили крестьяне. Кризис стал прямым следствием разрушения скотоводческого хозяйства в годы Гражданской войны. Данные, приводимые М. Тумаиловым, наглядно демонстрируют катастрофическое сокращение хозяйственного потенциала туркменских обществ в результате войны: поголовье скота упало со 138 031 головы в 1915 г. до 26 854 в 1920-м – 97,6 %, а посевные площади сократились с 42 785 до 18 364 десятин – 68,3 % [Тумаилов 1925: 10-11]. Экономическое разорение происходило и в ногайских обществах. В Ачикулакском районе численность крупного рогатого скота к 1920-м гг. сократилась почти на 96 % по сравнению с дореволюционным периодом, поголовье овец – на 97 %, лошадей – на 84 %, а посевные площади уменьшились в три раза, все это подорвало основу существования номадов. Голод 1920-х гг. ускорил две взаимосвязанные тенденции: массовое переселение русского населения в степи и превращение большинства ногайцев в зависимых

от них батраков. Эти процессы привели к быстрой трансформации этнодемографической карты региона (полное обрусение аулов, как в случае Мангита) и формированию новой системы социального неравенства, где земля и скот концентрировались у пришлого населения [ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 7. Д. 397. Л. 1-2]. В этот период часть туркмен начала переходить к полuosедлой форме жизни, используя так называемую «полукошевую земельную норму» в размере 15–25 десятин на человека. Ситуация усугублялась деятельностью вооружённых банд, систематически грабивших местные хозяйства. [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 977. Л. 59-60; Клычников 2014: 17-31].

В этих условиях формирование местных советских органов власти приобретало парадоксальный характер. С установлением советских органов власти в их состав активно стали включаться представители местных номадов, однако вскоре вскрылись компрометирующие подробности их прошлого сотрудничества с белогвардейцами. Так, ряд выдвиженцев в туркменский райком и исполком (Идрисов, Шахмуратов, Самедов) были публично обвинены в службе в белых карательных отрядах и должностных преступлениях. Партийная проверка подтвердила факты их работы на Белое движение (доброволец при штабе, писари), но, не найдя доказательств участия в расправах, оставила их на постах. Этот случай показал, что большевистский режим, остро нуждавшийся в лояльной местной элите, был вынужден идти на прагматичный компромисс: биографическое «пятно» прошлой службы у противника могло быть проигнорировано в обмен на текущую преданность. Как представляется, внутриэлитные конфликты на местах облекались в идеологическую форму борьбы «красных» с «белыми», а реальная практика формирования власти на местах зачастую расходилась с декларируемыми принципами «чистоты рядов». Дело также подтверждает массовость явления, когда значительная часть местной элиты в той или иной степени сотрудничала с Белым движением, что затем требовало сложных компромиссов при строительстве советских институтов [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 977. Л. 56-61].

Этот прагматичный компромисс с лояльной частью старой элиты происходил на фоне масштабных политических реформ. В ноябре 1920 г. были образованы Дагестанская АССР и Горская АССР (официально учреждена в январе 1921 г.), позже и остальные автономные области. Этот процесс поставил вопрос об административном устройстве кочевых народов. Ключевой проблемой стало то, что ногайское население оказалось административно раздроблено: караногайцы вошли в Кизлярский округ, а ачикулакские ногайцы – в Прикумский уезд Терской губернии [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 989. Л. 11].

Ключевой темой для кочевых народов Юга России в начале 1920-х гг. стал настойчиво продвигаемый властью принудительный переход к оседлости. На Кизлярской мусульманской советской конференции (ноябрь 1921 г.) представители новой власти в своих выступлениях представляли этот процесс как меру поддержки и спасения от вымирания. Некоторые ногайские делегаты, как Менглигулов, соглашались с необходимостью землеустройства ввиду полного разорения скотоводческого хозяйства. Параллельно обсуждались вопросы сохранения норм шариата в семейно-имущественной сфере, что указывало на

стремление сохранить элементы традиционного уклада. На I съезде мусульман-ногайцев Ачикулакского района (декабрь 1921 г.) центральными пунктами повестки стали новая экономическая политика (продналог) и катастрофический голод в степи. В ответ на призывы помочь голодающим Поволжья съезд принял резолюцию, констатировавшую собственное бедственное положение и требовавшую отмены продналога и первоочередной организации местных комитетов взаимопомощи. Кроме того, ногайцы просили власти вооружить надёжных лиц для самообороны от бандитизма в степи [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 1107. Л. 33-36].

Административная разобщённость и формальный характер управления со стороны Терского губернского исполнительного комитета в решении насущных проблем ногайцев побудили местные власти искать иные варианты устройства. Ачикулакский районный исполнительный комитет обратился с ходатайством сначала в Горскую, а затем в Дагестанскую АССР с вопросом рассмотрения их вопроса. Правительство Дагестана отнеслось к инициативе положительно, видя в присоединении ногайских земель возможность решить проблему нехватки пастбищ и расширить доступ к рыбным промыслам на Каспии. Для окончательного решения ВЦИК санкционировал проведение представительного съезда.

На съезде в Ачикулаке (апрель 1922 г.) развернулась дискуссия о будущем устройстве степных народов, фактически представлявшая собой выбор между несколькими альтернативными путями исторического развития. Делегатам предстояло определить форму их политического бытия в новой советской системе. Обсуждался широкий спектр вариантов:

I. Создание собственной национально-территориальной автономии путём объединения ногайцев, караногайцев и туркмен в отдельную область.

II. Интеграция в одно из существующих советских образований: присоединение к Дагестанской или Горской АССР, Терской губернии или Кабарде.

III. Формирование этнокультурного союза на основе общности традиционного уклада – идея объединения с калмыками в союз тюрко-монгольских народов [Джумагулова 2024: 36].

Предложенные проекты очерчивали принципиально разные траектории – от ассимиляции до создания уникальной этнокультурной автономии. Съезд стал редким моментом исторического выбора. После того как ногайский делегат С.А. Шабанов подверг критическому разбору все альтернативные проекты, съезд принял резолюцию в пользу образования отдельного округа с последующим включением в состав Дагестанской АССР. Это решение рассматривалось как путь решения земельно-хозяйственных проблем ачикулакских ногайцев через объединение с соплеменниками в рамках близкого и родственного региона. [ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 7. Д. 100. Л. 11-33].

По ходатайству правительства Дагестана Народный комиссариат по делам национальностей инициировал решение вопроса о статусе ногайских территорий. 16 ноября 1922 г. ВЦИК принял постановление о включении в состав Дагестанской АССР части Кизлярского округа вместе с городом Кизляром и Ачикулакского района. Границы присоединяемой территории были детально очерчены, в частности, по реке Куме на северо-западе и с учётом юртовых наделов терских казачьих станиц на юго-западе [ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 7. Д. 100. Л. 54-55].

Ключевыми задачами для восстановления хозяйства и экономического потенциала в ногайских районах стали упорядочение землепользования и создание кооперативов. Кооперация рассматривалась как жизненно важная мера в условиях кризиса традиционных отраслей. На местах кооперативы часто формировались по территориальному или родовому принципу, однако вскоре обозначилась земельная проблема, на фоне постоянных конфликтов между ногайскими, туркменскими и русскими общинами. Для его решения в апреле 1925 г. начала работу специальная комиссия по наделению землей в Караногайском и Ачикулакском районах. Правовую базу заложило «Положение о сплошном землеустройстве Дагестанской АССР», утвержденное 6 сентября 1926 г.¹ Этот документ, учитывая многообразие хозяйственных укладов, особо выделял кочевников-скотоводов, предусматривая для них выделение страховых пастбищ и сенокосов, а также земельных участков для перехода к оседлости.

Параллельно на уровне Северо-Кавказского крайисполкома рассматривался вопрос о самоопределении ставропольских туркмен. На совещании 17 апреля 1925 г. его представители совместно с жителями туркменских аулов обсудили возможность создания автономного Туркменского района. Председатель комиссии К.А. Курджиев, приводя данные обследования, констатировал катастрофическое положение: население сократилось с 18 до 6 тысяч человек, а хозяйство находилось в руинах. В качестве выхода он предложил выделить район в автономную единицу с предоставлением масштабной поддержки, подчеркнув, что выживание возможно лишь при переходе к оседлости и земледелию. Участники совещания обсуждали различные варианты: присоединение к Дагестанской АССР по аналогии с ногайцами, переселение в Закаспийскую область. Однако преобладающей стала позиция о необходимости создания отдельной административной единицы, мотивированная социально-экономическими потребностями туркменского населения [ГАРФ. Ф. Р-5677. Оп. 6. Д. 345. Л. 9-12].

30 мая 1925 г. президиум Северо-Кавказского крайисполкома признал необходимым создание Туркменского национального района. Это решение преследовало цель оказать целенаправленную поддержку малой этнической группе, находящейся на грани вымирания, путём консолидации туркменского населения, восстановления его хозяйства и защиты от экономического вытеснения русским крестьянством. Постановлением Президиума ВЦИК от 2 июня 1925 г. Туркменский район был официально утверждён в составе Ставропольского округа. Документ закреплял исключительные права туркменских обществ на землю, запрещал заселение территории иными народами и устанавливал этнические квоты в райисполкоме (3 туркмена, 1 русский, 1 татарин). Комплекс мер поддержки включал помощь голодающим, содействие переходу к оседлости, обеспечение техникой и другие чрезвычайные мероприятия для социально-экономического подъёма туркменского населения [ГАРФ. Ф. Р-5677. Оп. 6. Д. 345. Л. 12-19].

В 1925–1927 гг. наблюдалась стихийная миграция туркменских семей в Ачикулакский район Дагестана. Обращение 137 переселившихся хозяйств с

¹ Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 06.09.1926 «Об утверждении Положения о сплошном и обязательном землеустройстве Автономной Дагестанской Советской Социалистической Республики». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.12.2022).

просьбой легализовать статус выявило глубокие социально-экономические проблемы в Туркменском районе, побудив власти активизировать меры по развитию хозяйства и территории туркменских обществ. Эти мероприятия преследовали цель хозяйственного развития территорий, прежде всего за счёт предоставления туркменскому населению пятилетних налоговых льгот, выделения единовременной дотации в размере более 300 тыс. руб. золотом на развитие сельского хозяйства и культурно-просветительных учреждений, проведения землеустроительных работ. Эти действия были направлены на предотвращение дальнейшего оттока населения и возможной политической дестабилизации в регионе на фоне периодически поступававших предложений об отделении туркменских земель от Ставрополя и их присоединении к Дагестанской АССР [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 140. Д. 690. Л. 1-10].

Политическое самоопределение калмыков Большедербетовского улуса в рамках общенационального проекта не отличалось от моделей, реализованных ногайскими и туркменскими обществами. В июле 1920 г. I Общекалмыцкий съезд принял «Декларацию прав трудового калмыцкого народа», провозгласившую объединение всех разрозненных калмыцких групп, включая ставропольских, в единую Калмыцкую автономную область в составе РСФСР [Убушаев 2016: 61-63]. Дальнейшая судьба улуса была неразрывно связана с политикой централизации и советизации, проводимой в рамках этой автономии. В итоге, несмотря на различие выбранных административных форм, все основные кочевые народы Юга России – калмыки, ногайцы и туркмены – завершили процесс консолидации по национальному признаку в рамках тех или иных советских автономий [История Калмыкии 2009: 250-300].

Согласно данным переписи начала 1920-х гг., территория компактного проживания ногайцев включала Караногайскую волость (около 29,3 тыс. человек) и Ачикулакский район (около 10,5 тыс. человек) [ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 7. Д. 100. Л. 2-3]. Население Туркменского района составляло около 9,9 тыс. человек [ГАРФ. Ф. Р-5677. Оп. 6. Д. 345. Л. 19]. В свою очередь, калмыцкое население Большедербетовского улуса по переписи 1917 г. составляло более 2-х тысяч человек [Убушаев 2006: 315-316]. Кочевые и полукочевые народы Ставрополя вышли из Гражданской войны с тяжёлым комплексом взаимосвязанных проблем: демографический кризис, социально-политическую нестабильность и глубокий экономический упадок. Однако в рамках «советского проекта» решения национального вопроса была найдена ключевая административная форма их дальнейшего существования – консолидация в рамках национальных автономий: Туркменского района в составе Ставропольского округа, включение ногайских земель в состав Дагестанской АССР и объединение калмыков в собственную автономную область.

1917-1920-е гг. стали для кочевых народов Юга России эпохой глубокой трансформации. В ходе революции и Гражданской войны они были вынуждены адаптироваться к радикальным изменениям, отстаивая свои интересы в рамках сменяющих друг друга политических проектов. Установление советской власти стало следствием поражения этих альтернатив. Процесс их административного самоопределения в новой системе оказался сложным и неоднозначным, отразив

как попытки центральной власти интегрировать кочевников, так и их собственное стремление к выживанию и сохранению идентичности в условиях тотального кризиса.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что период 1917–1920 гг. стал для кочевых народов Ставропольской губернии (ногайцев, туркмен, калмыков) эпохой глубокой и болезненной трансформации, в ходе которой их судьба оказалась напрямую связана с крахом имперской государственности и поиском новой модели интеграции в меняющееся политическое пространство.

Основные итоги исследования могут быть сформулированы следующим образом:

1. К 1917 г. сложившаяся гибридная система управления, сочетавшая имперскую административную вертикаль с элементами традиционного самоуправления, исчерпала свой стабилизирующий потенциал. Её крах в результате Февральской революции не привёл к демократическому обновлению, а обнажил и обострил ключевые конфликты, прежде всего аграрный и национальный. Земельный вопрос, центральный для выживания кочевых обществ, стал точкой столкновения между правами номадов на их угодья, защищаемым прежним законодательством, и требованием малоземельного крестьянства о «справедливом» перераспределении. Политика Временного правительства, непоследовательная и запаздывающая, оказалась неспособна предложить легитимный механизм разрешения этого противоречия, что привело к утрате контроля над ситуацией и радикализации настроений.

2. В условиях перманентного кризиса и череды сменяющихся властных режимов (администрация Временного правительства, структуры Союза объединённых горцев, Белое движение, Советы) кочевые общества продемонстрировали активный и прагматичный поиск союзников для защиты своих интересов. Их политическое поведение было обусловлено не идеологической приверженностью, а стремлением к физическому выживанию и сохранению ресурсной базы. Участие в проекте Горской республики, попытки диалога с белым командованием и, наконец, взаимодействие с советской властью отражают различные, зачастую тупиковые, векторы этого поиска в обстановке тотальной нестабильности.

3. Гражданская война и сопутствующая ей политика реквизиций, конфискации и насилия привели к тотальному разорению традиционного скотоводческого хозяйства кочевников. Катастрофическое сокращение поголовья скота и посевных площадей, массовый голод и демографический кризис середины 1920-х гг. стали суровой реальностью, поставившей под вопрос само существование этих сообществ. Именно эта гуманитарная и хозяйственная катастрофа, а не только политические решения, стала главным фактором, вынудившим номадов согласиться на радикальные преобразования, предлагаемые победившей советской властью.

4. Установление советской власти открыло новый этап институционального оформления статуса кочевых народов, основанный на принципе национального

самоопределения. Процесс административного самоустройства в 1920-е годы (образование Туркменского района в составе Ставрополя, включение ногайских земель в состав Дагестанской АССР, консолидация калмыков в автономную область) стал итогом сложного взаимодействия централизованной политики «коренизации», хозяйственной целесообразности и апелляций местных элит к центру. Этот процесс, хотя и обеспечил формально-правовые рамки для этнокультурного развития, был сопряжён с принудительным курсом на переход к оседлости и глубокой перестройкой всего социально-экономического уклада.

Таким образом, траектория развития кочевых народов Ставрополя в 1917 – 1920-е гг. наглядно иллюстрирует, как глобальный кризис российской государственности был воспринят и пережит на локальном уровне. Распад имперских институтов управления обернулся для номадов не избавлением от опеки, а втягиванием в водоворот разрушительных сил, где борьба за политическую лояльность уступила место борьбе за элементарное выживание. Их последующая интеграция в советскую систему, оформленная в виде национальных автономий, стала не столько реализацией права на самоопределение, сколько единственным доступным путём выхода из тотальной катастрофы, ценой глубочайшей трансформации традиционного жизненного уклада.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Брусина 2023 – *Брусина О.И.* Трансформация кочевого образа жизни ставропольских туркмен в XIX–XX вв. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2023. – № 2 (75). – С. 62–71.

Васькина 2020 – *Васькина Д.С.* Кочевые народы Северного Кавказа в начале XX века // Гуманитарные и юридические исследования. – 2020. – № 2. – С. 16–22.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

ГАСК – Государственный архив Ставропольского края.

Джумагулова 2024 – *Джумагулова А.Т.* "С кем нам по пути?": ставропольские туркмены на переломе эпох (Конец XIX – начало XX веков) в контексте природно-климатических факторов // *Nomadic Civilization: Historical Research*. – 2024. – Т. 4, № 4. – С. 24–42.

Джумагулова, Кидирниязов 2024 – *Джумагулова А.Т., Кидирниязов Д.С.* Положение кочевых народов Ставропольской губернии в XIX – начале XX вв. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2024. – № 4 (81). – С. 43–58. – DOI 10.54398/1818-510X.2024.81.4.004.

Зверева 2018 – *Зверева Л.А.* 1917 год на Ставрополье // Известия СОИГСИ. – 2018. – № 27 (66). – С. 86–93.

История Калмыкии 2009 – История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. – Элиста: Герел, 2009. – Т. 2. – 840 с.

Кажаров 2018 – *Кажаров А.Г.* Организация "союз объединенных горцев" и сепаратизм на Северном Кавказе: предпосылки, движущие силы и итоги (1917-1919 гг.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2018. – № 1 (214). – С. 28–38.

Клычников 2014 – *Клычников Ю.Ю.* Криминальная ситуация на Центральном и Северо-Восточном Кавказе в годы революций 1917 г. и гражданской войны // Известия СОИГСИ. – 2014. – № 13 (52). – С. 17–31.

Кужелева 1964 – *Кужелева Л.Н.* Социалистические преобразования в хозяйстве, культуре и быту ногайцев: дисс. ... канд. ист. наук. – Ленинград, 1964. – 249 с.

Лиджиева 2019 – *Лиджиева И.В.* "Нет сомнения, что суд целого общества есть вернейший и беспристрастный суд какого может желать только правда...". Предписание

гражданского губернатора Ставропольской губернии П. А. Брянчанинова главному приставу кочующих народов полковнику П.Н. Иванову. 1860 г. // Вестник архивиста. – 2019. – № 3. – С. 838–851. – DOI 10.28995/2073-0101-2019-3-838-851.

Лиджиева 2024 – *Лиджиева И.В.* Институт приставства в системе управления окраинами Российской империи // Вестник Московского университета. Серия 8: История. – 2024. – Т. 65, № 5. – С. 47–69. – DOI 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-5-47-69.

Линец 2017 – *Линец С.И.* Военные действия на Северном Кавказе в годы Гражданской войны: народы региона в поиске приоритетов // Российская государственность в судьбах народов Кавказа – X: Материалы регион. науч.-практ. конф. (Пятигорск, 24–25 нояб. 2017 г.). – Пятигорск: Пятигорский гос. ун-т, 2017. – С. 257–272.

Лямин 2004 – *Лямин В.В.* Аграрный вопрос в Ставропольской губернии в 1917 году. – Ставрополь: ЗАО «Пресса», 2004. – 205 с.

Материалы съездов 2014 – Материалы съездов горских народов Северного Кавказа и Дагестана 1917 года / сост. А.Х. Кармов. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2014. – 168 с.

Невская 2016 – *Невская Т.А.* Туркмены Ставрополя в революционных событиях 1917 г. // Туркмены Юга России: исторический контекст и социокультурные трансформации. – М.: ИЭА РАН, 2016. – С. 36–45.

Очиров 2009 – *Очиров У.Б.* Конные части горцев и кочевников Северо-Восточного Кавказа в белой армии (1918-1920 гг.) // Вестник КИГИ РАН. – 2009. – № 2. – С. 35–39.

Очиров 2017 – *Очиров У.Б.* Национальные части народов Юга России в период революции 1917 г. и Гражданской войны // Великая Российская революция в судьбах народов Юга России: Материалы Всерос. науч. конф. (Элиста, 13–14 сент. 2017 г.). – Элиста: Калмыцкий науч. центр РАН, 2017. – С. 30–47.

Положение об управлении 1835 – Положение об управлении калмыцким народом: Указ е.и.в. Правительствующему сенату и Штат для калмыцкого управления. – Санкт-Петербург, 1835. – 95 с.

ПСЗРИ-I – Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649-1825 гг.: В 45 т. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.

ПСЗРИ-II – Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе (ПСЗРИ-II). 12 декабря 1825 – 28 февраля 1881 гг.: В 55 т. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830-1885.

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.

Союз объединенных 1994 – Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917-1918 гг.), Горская республика (1918-1920 гг.): документы и материалы / отв. ред. А.И. Османов. – Махачкала: Юпитер, 1994. – 438 с.

Ставропольский инородец 1918 – Ставропольский инородец (газета). – 1918. – № 2, 9.

Тумаилов 1925 – *Тумаилов М.* Туркмены Северо-Кавказского края: (Краткий историко-этнографический очерк). – Полторацк (Асхабад): Туркм. гос. изд-во, 1925. – 34 с.

Убушаев 2006 – *Убушаев К.В.* Создание советской национальной государственности калмыцкого народа // Южно-российский вестник геологии, географии и глобальной энергии. – 2006. – № 8 (21). – С. 313–317.

Убушаев 2016 – *Убушаев К.В.* Начальный этап национально-государственного строительства калмыцкого народа в первые годы Советской власти // Вестник КалмГУ. – 2016. – № 2 (30). – С. 60–66.

Учреждения управления 1869 – Учреждения управления Кавказского и Закавказского края: 9 декабря 1867. – Санкт-Петербург, 1869. – 60 с.

REFERENCES

BRUSINA O.I. Transformatsiya kochevogo obraza zhizni stavropol'skikh turkmenov v XIX–XX vv. [Transformation of the Nomadic Way of Life of the Stavropol Turkmens in the 19th – 20th

Centuries]. IN: Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura [Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. – 2023. – № 2 (75). – P. 62–71. (In Russ.).

DZHUMAGULOVA A.T. “S kem nam po puti?”: stavropol'skiye turkmeny na perelome epokh (Konets XIX – nachalo XX vekov) v kontekste prirodno-klimaticheskikh faktorov [“Who Are We to Follow?”: Stavropol Turkmens at the Turn of Epochs (Late 19th – Early 20th Centuries) in the Context of Natural and Climatic Factors]. IN: Nomadic Civilization: Historical Research. – 2024. – Vol. 4, No. 4. – P. 24–42. DOI 10.53315/2782-3377-2024-4-4-24-42. (In Russ.).

DZHUMAGULOVA A.T., KIDIRNIAZOV D.S. Polozhenie nomadnogo zhitovnovodstva Stavropol'skoi gubernii v XIX – nachale XX vv. [The State of Nomadic Animal Husbandry in Stavropol Province in the 19th – Early 20th Centuries]. IN: Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura [Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. – 2024. – № 4 (81). – P. 43–58. – DOI 10.54398/1818-510X.2024.81.4.004. (In Russ.).

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (GARF)]. F. 1788. Op. 2. D. 143; F. R-1235. Op. 140. D. 690; F. R-1318. Op. 7. D. 100; F. R-5446. Op. 7. D. 397; F. R-5677. Op. 6. D. 345. (In Russ.).

GASK – Gosudarstvennyi arkhiv Stavropol'skogo kraia (GASK) [State Archive of the Stavropol Krai (GASK)]. F. 37. Op. 1. D. 10, 11, 19; F. 2567. Op. 1. D. 3. (In Russ.).

Istoriia Kalmykii s drevneishikh vremen do nashikh dnei: v 3 t. [History of Kalmykia from Ancient Times to the Present Day: In 3 Vols.]. – Elista: Gerel, 2009. – Vol. 2. – 840 p. (In Russ.).

KAZHAROV A.G. Organizatsiia "soiuz ob"edinennykh gortsev" i separatizm na Severnom Kavkaze: predposylki, dvizhushchie sily i itogi (1917-1919 gg.) [The Organization "Union of United Mountaineers" and Separatism in the North Caucasus: Prerequisites, Driving Forces and Results (1917-1919)]. IN: Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Regionovedenie: filosofii, istoriia, sotsiologii, iurisprudentsiia, politologii, kul'turologiia [Bulletin of the Adyghe State University. Ser. Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Culturology]. – 2018. – № 1 (214). – P. 28–38. (In Russ.).

KLYCHNIKOV I.U. Kriminal'naia situatsiia na Tsentral'nom i Severo-Vostochnom Kavkaze v gody revoliutsii 1917 g. i grazhdanskoi voiny [Criminal Situation in the Central and North-Eastern Caucasus during the 1917 Revolutions and the Civil War]. IN: Izvestiia SOIGSI [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. – 2014. – № 13 (52). – P. 17–31. (In Russ.).

KUZHELEVA L.N. Sotsialisticheskie preobrazovaniia v khoziaistve, kul'ture i bytu nogaitsev: diss. ... kand. ist. nauk [Socialist Transformations in the Economy, Culture and Life of the Nogai People: PhD (History) Diss.]. – Leningrad, 1964. – 249 p. (In Russ.).

LIDZHIEVA I.V. "Net somneniia, chto sud tselogo obshchestva est' vernieishii i bespristrastnyi sud kakogo mozhet zhelat' tol'ko pravda...". Predpisanie grazhdanskogo gubernatora Stavropol'skoi gubernii P. A. Briandchaninova glavnomu pristavu kochuiushchikh narodov polkovniku P. N. Ivanovu. 1860 g. ["There is no doubt that the judgement of the whole society is the most reliable and impartial judgement that only truth can desire..." Directive of the Civil Governor of Stavropol Province P. A. Briandchaninov to the Chief Steward of the Nomadic Peoples, Colonel P. N. Ivanov. 1860]. IN: Vestnik arkhivista [Archivist Bulletin]. – 2019. – № 3. – P. 838–851. – DOI 10.28995/2073-0101-2019-3-838-851. (In Russ.).

LIDZHIEVA I.V. Institut pristavstva v sisteme upravleniia okrainami Rossiiskoi imperii [The Institute of Stewardship in the System of Administration of the Outskirts of the Russian Empire]. IN: Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 8: Istoriia [Moscow University Bulletin. Series 8: History]. – 2024. – Vol. 65, № 5. – P. 47–69. – DOI 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-5-47-69. (In Russ.).

LINETS S.I. Voennye deistviia na Severnom Kavkaze v gody Grazhdanskoi voiny: narody regiona v poiske prioritetov [Military Actions in the North Caucasus during the Civil War: The Peoples of the Region in Search of Priorities]. IN: *Rossiiskaia gosudarstvennost' v sud'bakh narodov Kavkaza – X: Materialy region. nauch.-prakt. konf. (Piatigorsk, 24–25 noiab. 2017 g.)* [Russian Statehood in the Fates of the Peoples of the Caucasus – X: Proceedings of the Regional

Scientific and Practical Conference (Pyatigorsk, 24–25 November 2017)]. – Piatigorsk: Piatigorskii gos. un-t, 2017. – P. 257–272. (In Russ.).

LIAMIN V.V. Agrarnyi vopros v Stavropol'skoi gubernii v 1917 godu [The Agrarian Question in Stavropol Province in 1917]. – Stavropol': ZAO «Pressa», 2004. – 205 p. (In Russ.).

Materialy s"ezdov gorskikh narodov Severnogo Kavkaza i Dagestana 1917 goda [Proceedings of the Congresses of the Mountain Peoples of the North Caucasus and Dagestan in 1917] / Comp. by A.Kh. Karmov. – Nalchik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2014. – 168 p. (In Russ.).

NEVSKAIA T.A. Turkmeny Stavropol'ia v revoliutsionnykh sobytiakh 1917 g. [The Turkmens of Stavropol in the Revolutionary Events of 1917]. IN: Turkmeny Iuga Rossii: istoricheskii kontekst i sotsiokul'turnye transformatsii [Turkmens of the South of Russia: Historical Context and Sociocultural Transformations]. – Moscow: IEA RAN, 2016. – P. 36–45. (In Russ.).

OCHIROV U.B. Konnye chasti gortsev i kochevnikov Severo-Vostochnogo Kavkaza v beloi armii (1918-1920 gg.) [Cavalry Units of Highlanders and Nomads of the North-Eastern Caucasus in the White Army (1918-1920)]. IN: Vestnik KIGI RAN. – 2009. – № 2. – P. 35–39. (In Russ.).

OCHIROV U.B. Natsional'nye chasti narodov Iuga Rossii v period revoliutsii 1917 g. i Grazhdanskoi voiny [National Units of the Peoples of the South of Russia during the Revolution of 1917 and the Civil War]. IN: Velikaia Rossiiskaia revoliutsiia v sud'bakh narodov Iuga Rossii: Materialy Vseros. nauch. konf. (Elista, 13–14 sent. 2017 g.) [The Great Russian Revolution in the Fates of the Peoples of the South of Russia: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference (Elista, 13–14 September 2017)]. – Elista: Kalmytskii nauch. tsentr RAN, 2017. – P. 30–47. (In Russ.).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie Pervoe (PSZRI-I). 1649-1825 gg.: V 45 t. [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Collection (PSZRI-I). 1649-1825: In 45 Vols.]. – St. Petersburg: Tip. II Otdeleniia Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantseliarii, 1830. (In Russ.).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie Vtoroe (PSZRI-II). 12 dekabria 1825 – 28 fevralia 1881 gg.: V 55 t. [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection (PSZRI-II). 12 December 1825 – 28 February 1881: In 55 Vols.]. – St. Petersburg: Tip. II Otdeleniia Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantseliarii, 1830-1885. (In Russ.).

Polozhenie ob upravlenii kalmytskim narodom: Ukaz e.i.v. Pravitel'stviuushchemu senatu i Shtat dlia kalmytskogo upravleniia [Regulation on the Administration of the Kalmyk People: H.I.M.'s Decree to the Governing Senate and the Staff for Kalmyk Administration]. – St. Petersburg, 1835. – 95 p. (In Russ.).

RGASPI – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI) [Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI)]. F. 17. Op. 13. D. 989, 1107; Op. 16. D. 977. (In Russ.).

Soiuz ob"edinennykh gortsev Severnogo Kavkaza i Dagestana (1917-1918 gg.), Gorskaja respublika (1918-1920 gg.): dokumenty i materialy [The Union of United Mountaineers of the North Caucasus and Dagestan (1917-1918), the Mountain Republic (1918-1920): Documents and Materials] / Ed. by A.I. Osmanov. – Makhachkala: Iupiter, 1994. – 438 p. (In Russ.).

Stavropol'skii inorodets [Stavropol Native]. – 1918. – № 2, 9. (In Russ.).

TUMAILOV M. Turkmeny Severo-Kavkazskogo kraia: (Kratkii istoriko-etnograficheskii ocherk) [The Turkmens of the North Caucasus Region: (A Brief Historical and Ethnographic Essay)]. – Poltoratsk (Askhabad): Turkm. gos. izd-vo, 1925. – 34 p. (In Russ.).

UBUSHAEV K.V. Sozdanie sovetskoi natsional'noi gosudarstvennosti kalmytskogo naroda [The Creation of the Soviet National Statehood of the Kalmyk People]. IN: Iuzhno-rossiiskii vestnik geologii, geografii i global'noi energii [South Russian Bulletin of Geology, Geography and Global Energy]. – 2006. – № 8(21). – P. 313–317. (In Russ.).

UBUSHAEV K.V. Nachal'nyi etap natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva kalmytskogo naroda v pervye gody Sovetskoi vlasti [The Initial Stage of National-State Building of the Kalmyk People in the First Years of Soviet Power]. IN: Vestnik Kalmytskogo universiteta [Bulletin of Kalmyk University]. – 2016. – № 2 (30). – P. 60–66. (In Russ.).

Uchrezhdeniia upravleniia Kavkazskogo i Zakavkazskogo kraia: 9 dekabria 1867 [Institutions for the Administration of the Caucasian and Transcaucasian Region: 9 December 1867]. – St. Petersburg, 1869. – 60 p. (In Russ.).

VAS'KINA D.S. Kochevye narody Severnogo Kavkaza v nachale XX veka [Nomadic Peoples of the North Caucasus in the Early 20th Century]. IN: Gumanitarnye i iuridicheskie issledovaniia [Humanitarian and Legal Research]. – 2020. – № 2. – P. 16–22. (In Russ.).

ZVEREVA L.A. 1917 god na Stavropol'e [The Year 1917 in Stavropol Region]. IN: Izvestiia SOIGSI [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. – 2018. – № 27 (66). – P. 86–93. (In Russ.).

Информация об авторе

А.Т. Джумагулова – кандидат исторических наук.

Information about the author

A.T. Dzhumagulova – Candidate of Sciences (History).

Статья поступила в редакцию 10.02.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2026 г.; принята к публикации 29.06.2026 г.

The article was submitted 10.02.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.